

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

UDC 94«04/14»:27-72

LBC 63.3(0)4-37

Submitted: 31.05.2021

Accepted: 22.09.2021

THE ELEVATION OF THE SEE OF CONSTANTINOPLE AT THE COUNCIL OF CHALCEDON: THE COURSE OF THE PROCEDURE

Mikhail V. Gratsianskiy

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Despite multiple references to the proposed topic in the scholarly literature, it still seems relevant to identify and consistently describe the entire set of measures taken at the Council of Chalcedon in order to raise the status of the see of Constantinople. *Methods.* The work is based on the application of the historical-critical method of analysing source data of the original text, compiled in Greek and Latin. *Analysis.* The article consistently describes and analyses the church-political steps and actions taken during the conciliar meetings, which paved the way for the elevation (“addition to honour”) of the see of Constantinople, which took place during the 17th conciliar act. These measures included the corroboration of the status of the Council of Constantinople in 381 as the Second Ecumenical Council, the use of the ecclesiastical and political actions of the see of Constantinople in the previous period as court of appeal and “superprovincial” instance as precedents, as well as a demonstration of the equal status of the Archbishop of Constantinople in relation to his Roman counterpart. The result was the adoption of the so-called 28th canon and its approval by the officials presiding at the council, and then by the emperor Marcian himself. *Results.* The author concludes that the actions taken by the officials, who were presiding at the council, and the representatives of the Church of Constantinople during the council were planned and consistently aimed at establishing the equal honour of the see of Constantinople in relation to the see of Rome and its second place in regard to the latter. He also points to certain similarities in the process of elevation of both sees.

Key words: Ecumenical Councils, the Council of Chalcedon, the 28th Canon of the Council of Chalcedon, the Second Council of Constantinople (381), the 3rd Canon of the Council of Constantinople, the See of Constantinople, Primacy of Honour.

Citation. Gratsianskiy M.V. The Elevation of the See of Constantinople at the Council of Chalcedon: The Course of the Procedure. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 236-251. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

УДК 94«04/14»:27-72

ББК 63.3(0)4-37

Дата поступления статьи: 31.05.2021

Дата принятия статьи: 22.09.2021

ПРОЦЕДУРА ВОЗВЫШЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ КАФЕДРЫ НА IV ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ В ХАЛКИДОНЕ

Михаил Вячеславович Грацианский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Несмотря на многочисленные обращения исследователей к предложенной теме, до сих пор представляются актуальными выявление и последовательное описание всей совокупности мер, предпринятых на Халкидонском соборе с целью возвышения константинопольской кафедры. *Методы.* Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом и латинском языках. *Анализ.* В статье последовательно описываются и анализируются церковно-политические шаги и действия, предпринятые в ходе соборных заседаний, которые подготавливали почву для состоявшегося в ходе 17-го соборного деяния возвышения («прибавления к чести») константинопольской кафедры. Эти меры включали закрепление статуса Константинопольского собора 381 г. как Второго Вселенского, использование церковно-политических действий константинопольской кафедры в предшествующий период как апелляционной и «сверхпровинциальной» инстанции в качестве precedents, а также демонстрацию равного статуса константинопольского архиепископа по отношению к

римскому. Итогом было принятие так называемого 28-го соборного правила и его утверждение со стороны председательствующих на соборе чиновников, а затем и императора Маркиана. *Результаты.* Автором делается вывод о планомерности и последовательности действий, проводимых на соборе председательствующими чиновниками и представителями Константинопольской Церкви и направленных на утверждение равного по чести и второго по положению статуса столичной кафедры по отношению к кафедре римской, а также о сходстве процессов возвышения обеих кафедр.

Ключевые слова: Вселенские соборы, Халкидонский собор, 28-е правило Халкидонского собора, II Вселенский собор в Константинополе 381 г., 3-е правило II Вселенского собора, константинопольская кафедра, первенство чести.

Цитирование. Грацианский М. В. Процедура возвышения константинопольской кафедры на IV Вселенском соборе в Халкидоне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, №6. – С. 236–251. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

Введение. Одним из наиболее значительных свершений IV Вселенского собора, состоявшегося в Халкидоне осенью 451 г., было признание за константинопольской церковной кафедрой статуса равной по чести и второй по положению после кафедры римской – событие, сохраняющее свою актуальность вплоть до нынешнего времени. Несмотря на всеобщую известность этого факта, а также сравнительное изобилие литературы, посвященной этому событию, его предпосылкам и последствиям, согласно нашим наблюдениям, до сих пор не было предпринято попытки сведения воедино данных сохранившихся актов Халкидонского собора, относящихся к процедуре возвышения константинопольской кафедры. В своем большинстве исследователи концентрируют внимание на так называемом 17-м (согласно греческим актам) деянии Халкидонского собора, на котором, собственно, и было принято решение о «прибавлении к чести» константинопольского престола. Между тем это итоговое решение было результатом целого ряда отдельных шагов, отраженных в «деяниях» собора, которые были составлены в ходе его отдельных заседаний. Все они отражают определенную логику и выявляют тенденцию, позволяющую уверенно говорить о том, что возвышение константинопольской кафедры было заранее запланированным и последовательно проведенным мероприятием, которое можно реконструировать на основе целого ряда эпизодов, имевших место на протяжении практически всего хода соборных заседаний.

Таким образом, настоящая статья имеет целью показать, что возвышение константинопольской кафедры было последовательно осуществленным мероприятием, а задачами –

выявление и описание отдельных эпизодов этого мероприятия.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом и латинском языках.

Анализ. Следует обратить внимание на порядок упоминания участников Собора. Прежде всего приводится список светских чиновников, присутствовавших на соборе «по приказу» (*κατὰ κέλευσιν*) императора в качестве судей (*ἄρχοντες*, *iudices*). В этом списке первыми приводятся действующие чиновники высшего ранга, а затем отдельно сенаторы, в том числе и бывшие высокопоставленные сановники.

Далее указывается, что собрался созванный «по божественному повелению (*θεσπισμα*)», то есть по императорскому указу, «святой и вселенский собор». За этой фразой следует указание на группу первенствующих предстоятелей этого собора: легатов «архиепископа старшего Рима» Льва, «архиепископа Константинополя-Нового Рима» Анатолия и «архиепископа великого града Александрии» Диоскора [12, р. 56.4–8] (ср.: [15, р. 28.26]). Особый статус Льва и Анатолия Константинопольского как первенствующих или председательствующих на соборе не подчеркивается: они упомянуты наравне с Диоскором Александрийским в порядке «чести» их кафедр. Перечисление прочих участников собора предваряется словами «и остальных блаженнейших и благочестивейших епископов, а именно...» [12, р. 56.9]. Первыми в списке «остальных епископов» упоминаются Максим Антиохийский и Ювеналий Иерусалимский ¹.

Вопрос о первенстве константинопольского архиепископа возник по ходу чтения

актов Эфесского собора 449 г., в начале которых при перечислении участников собора столичный архиепископ упоминается на пятом месте после Диоскора Александрийского, папского легата Юлия, Ювеналия Иерусалимского и Домна Антиохийского, причем все перечисленные в актах Эфесского собора иерархи называются безразлично «боголюбнейшими и блаженнейшими епископами» [12, р. 77.17–26]. В связи с этим чтением между участниками Халкидонского собора происходит примечательный диалог. Восточные епископы выразили свое возмущение тем, что в Эфесе Флавиан Константинопольский «сидел не на своем месте» и был поставлен лишь пятым. Последовала реплика папского легата Пасхазина: «Вот у нас господин Анатолий первый; они же блаженного Флавиана поставили пятым (πέμπτον ἔταξαν)». И ответ на нее Диогена Кизического: «Потому что вы знаете каноны!» [12, р. 78.1–4]. Этот эпизод наглядно демонстрирует отсутствие разногласий между участниками собора касательно положения константинопольского предстоятеля как сопредседателя собора и одного из трех, а после осуждения Диоскора Александрийского двух «архиепископов»². Тем не менее реплика Диогена Кизического является примечательной, поскольку на данном этапе остается неясным, какой канон имеется в виду как регламентирующий положение константинопольской кафедры.

Другим важным с точки зрения последующего определения полномочий константинопольской кафедры эпизодом было обсуждение исповедания веры Евтиха, которое тот представил в ходе Эфесского собора. Приводя в своем послании к собору Символ веры, Евтих привел его в первоначальной никейской редакции, не включавшей после слова «воплотившегося» (σάρκα θέντα) слова «от Духа Свята и Марии Девы» (ἐκ πνεύματος ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου) [12, р. 90.30–35], включенные в Символ веры в позднейшее время [35, S. 52–69; 32, S. 132–208; 38, S. 213–214; 11, S. 357–362]. По мнению Диогена Кизического, данный факт свидетельствовал о приверженности Евтиха ереси Аполлинария Лаодикийского, однако такое заявление вызвало возмущение египетских епископов: «Никто не принимает прибавления (προσθήκην), – кричали они, – никто [не принимает] умаления (μεϊώσιν)! Да воз-

обладает [Символ] никейцев! Православный царь так повелел!» (12, р. 91.31–33). В ходе третьего деяния председательствующие сановники поставили собору задачу дать определение «истинной вере». В частности ими было заявлено: «Ибо хотим мы, чтобы вы знали, что божественнейший и благочестивейший владыка вселенной (δεσπότης τῆς οἰκουμένης) и мы храним православную веру, переданную тремястами восемнадцатью и ста пятьюдесятью (τὴν παρὰ τῶν τη΄ καὶ παρὰ τῶν ρν΄), а также и остальными святыми и славными отцами, и согласно с нею веруем» (13, р. 78 [274].12–14; 26, S. 217–219). Под «тремястами восемнадцатью» и «ста пятьюдесятью» отцами имелись в виду участники Вселенского собора 325 г. в Никее и, как выяснилось из дальнейшего, Собора 381 г. в Константинополе. Последний собор к тому времени не имел статуса, сравнимого с Никейским или Эфесским 431 г., и тем самым данное заявление императорских чиновников оказалось призывом признать за ним статус, равный Никейскому [32, S. 209–220; 28, S. 51–53]. Решающим аргументом здесь оказывается признание собора 381 г. вселенским со стороны императора, высших чиновников и столичных сенаторов.

И действительно, в ходе третьего деяния в качестве основы для выработки халкидонского вероопределения константинопольский («цареградский») Символ веры впервые официально объявляется «согласным» (συμφωνοῦσα) Никейскому [13, р. 80 [276].1–2]. В качестве основополагающего вероучительного документа Вселенского собора 431 г. в Эфесе объявляется послание Кирилла Александрийского к Несторию и его же послание к Иоанну Антиохийскому [13, р. 80 [276].19–81 [277].8.], а в качестве основы халкидонского ороса было предложено принять послание папы Льва к Флавиану [13, р. 81 [277].8–82 [278].3]. Последнее предложение вызвало возражения иллирийских и палестинских епископов, запросивших время для ознакомления с письмами Кирилла и Льва и их сравнения на предмет тождества веры в них изложенной. Председательствующие чиновники предоставили им 5 дней для обсуждения и согласования позиции с Анатолием Константинопольским [13, р. 82 [278].4–84 [280].6; 1, с. 82–83; 40, р. 29–37; 26, S. 241–258].

В результате обсуждения удалось прийти к единому мнению относительно статуса послания Льва к Флавиану. Оно было озвучено в ходе четвертого деяния легатами папы: «Святой и блаженнейший собор правилу веры, которое было установлено отцами в Никее, следует и придерживается, но также и собравшийся в Константинополе при святой памяти Феодосии Старшем собор ста пятидесяти [отцов] ту же самую веру утвердил³, какового Символа изложение, предложенное в Эфесе, когда за свое коварство был осужден Несторий, блаженной памяти муж Кирилл равным образом приемлет. В-третьих же, отправленные письма блаженнейшего и апостольского мужа, папы Вселенской Церкви (*uniuersalis ecclesiae papae*) Льва, осуждающего ересь Нестория и Евтиха, изложили, что есть истинная вера. Равно же и святой собор этой веры придерживается, ей следует, ничего сверх ни прибавить не может, ни убавить (*hanc fidem tenet, hanc sequitur; nihil amplius nec addere potest nec minuere*)» [16, р. 105 [364].17–26]⁴. Перед священным евангелием участники собора засвидетельствовали свое согласие с этим суждением. Епископы Иллирика и Палестины также присоединились к нему, подчеркнув, что тождество вероучения папы Льва и трех соборов было разъяснено им папскими легатами и Анатолием Константинопольским [13, р. 101 [297].40–103 [299].6; 40, р. 117–120; 26, S. 221–222]. Тем самым римские легаты согласились с общецерковным статусом Константинопольского собора 381 г. как необходимого этапа утверждения никейской веры.

20 октября 451 г. состоялось слушание по иску Фотия Тирского против епископа Евстафия Беритского⁵. Протоколы этого слушания представлены в виде последнего, девятнадцатого соборного деяния, причем в сохранившейся латинской версии актов оно отсутствует [14, р. 101 [460]–110 [469]]. Предметом спора было дарование императором Феодосием II (408–450) городу Бериту привилегий митрополии. Как явствует из показаний Фотия Тирского, Евстафий Беритский начал при этом совершать хиротонии в нескольких городах провинции Первой Финикии [14, р. 106 [465].5–6].

Фотий Тирский, поначалу согласившийся с новым церковно-административным

порядком в провинции, предпринял затем рукоположения в городах, присвоенных себе Евстафием Беритским. Последний же низложил их, низведя в сан пресвитера. Дело о поставлении Фотием епископов было доведено до патриарха Константинопольского и в 450 г. рассмотрено в столице «пребывающим собором» (*σύνωδος ἐνδημοῦσα*). Собор подтвердил права Евстафия на рукоположения в шести городах и постановил подвергнуть Фотия отлучению от общения. Под решениями собора подписался и Максим Антиохийский, находившийся в Константинополе [14, р. 106 [465].5–31; 24, р. 74–75, 122].

На основании этих фактов заслушивающие дело чиновники обратились к Анатолию Константинопольскому за разъяснениями, имел ли право «пребывающий собор» Константинополя рассматривать подобное дело в отсутствие обвиняемого. Более того, сенаторы поставили вопрос, можно ли вообще считать собрание (*τὴν συνέλευσιν*) епископов, «пребывающих» (*ἐπιδημοῦντων*) в «царском граде», собором [14, р. 106 [465].37–41]. Ответ Анатолия о том, что собрание епископов в столице традиционно рассматривает поступающие на рассмотрение дела и выносит по ним решения, был принят чиновниками без возражений. Тем не менее факт суда над Фотием в отсутствие последнего был признан не отвечающим правовым нормам, и дело было пересмотрено в его пользу. Что касается положения Константинополя, то важным представляется тот факт, что как статус «пребывающего собора», так и права его юрисдикции в принципе не были подвергнуты сомнению.

В ходе заседания 22 октября 451 г., отраженного в пятом соборном деянии, было озвучено и принято соборное вероопределение. В его тексте в нескольких местах было зафиксировано ключевое положение Константинопольского собора 381 г. как одного из вселенских соборов, заложивших основы православного вероопределения. Озвучивавший соборный орос архидиакон Константинопольской Церкви среди прочего зачитал следующее: «Что мы и сделали, единогласно изгнав догматы заблуждения, обновив незаблуждающуюся веру отцов, провозгласив для всех символ 318 [отцов] и записав в качестве своих 150 отцов, принявших это знамя

(σύνθημα) благочестия, которые позднее со- брались в этом великом граде Константина и сами ту же веру запечатлели. Итак, храня ранг и все определения о вере встарь бывшего святого Собора в Эфесе, предводителями кото- рого были святой памяти Целестин, [епископ] римлян, и Кирилл, [епископ] александрийцев, мы определяем, что изложение правой и безупречной веры 318 святых и блаженных отцов, собравшихся в Никее при благочести- вой памяти бывшем императоре Константине, предсаяет [προλάμπει], но действует и [все] то, что определено (τὰ... ὀρισθέντα) 150-ю святы- ми отцами в Константинополе, во устранение явившихся тогда ересей и утверждение той же кафолической и апостольской нашей веры» [13, р. 126 [322].21–127 [323].8].

Несмотря на то что далее текст ороса воспроизводит последовательно никейский и цариградский символы веры, следует отме- тить, что приведенная нами выше часть ороса фактически заявляла о легализации на «все- ленском» уровне всех вообще определений (τὰ ὀρισθέντα) Константинопольского собора 381 г. [35, S. 47–51; 40, р. 191–194; 26, S. 222].

Озвученный константинопольским диа- коном орос в ходе последующего деяния был одобрен лично императором Маркианом, обратившимся к собору с краткой речью на латинском («римском»), а затем на греческом языке ⁶. В связи с интересующей нас здесь темой отметим, что в качестве основы хал- кидонского вероисповедания император вы- делил никейские постановления и «Томос» папы Льва к Флавиану, однако не упомянул Константинопольского собора 381 года. По за- вершении речи императора был вновь зачитан соборный орос, и в присутствии Маркиана со- стоялось его торжественное подписание участ- никами собора [20, р. 130–132; 1, с. 84–85; 40, р. 183–194; 26, S. 264–270]. Затем император предложил собору обратиться к другим темам: «Есть несколько пунктов (κεφάλαια), которые ради чести вашей богобоязненности мы вам оставили, сочтя подобающим, чтобы они были [скорее] сформулированы канонически (κανονικῶς) на соборе, нежели постановле- ны нашими законами (νόμοις)» [13, р. 156 [352].31–33].

Когда эти пункты (соборные каноны) были зачитаны, текст был передан Мар-

кианом «боголюбезнейшему архиепископу царственного Константинополя Нового Рима Анатолию» и одобрен посредством акклама- ций [34]. Первыми озвучивают свое мнение легаты папы и Анатолий Константинополь- ский. Последующие епископы подчеркивают, что присоединяются к их решению [14, р. 10 [369].28–30, 38 [397].39–41, 40 [399].13–15, 41 [400].16, 41 [400].26–27]. Этим были проде- монстрированы, с одной стороны, первенство предстоятелей Рима и Константинополя, а с другой – их равенство.

Вопрос об особых правах Константи- нопольского архиепископа был затронут 29–30 октября в ходе заседания, на котором разбирался иск низложенного митрополита Эфесского Вассиана, требовавшего вернуть ему кафедру [1, с. 91; 41, р. 1–3, 18–19; 26, S. 314–319]. Одним из главных доводов Васси- ана в пользу законности занятия им эфесской кафедры было то, что в своем епископском достоинстве он был утвержден императором Феодосием II. Во время нахождения Вассиана в Константинополе император принял его и представил константинопольскому архие- пископу Проклу (434–446), который в свою очередь направил в Эфес соборное послание (синодику), подтверждающее избрание Васси- ана [14, р. 46 [405].36–47 [406].5]. Противники Вассиана, представлявшие сторону Стефана, занявшего эфесскую кафедру в результате смещения Вассиана, настаивали на недей- ствительности его поставления, поскольку изначально он был рукоположен во епископа другого города, кафедру которого он в свое время отказался занять.

Между тем по ходу разбирательства Лукиан, епископ города Визы во Фракии, под- держал позицию Вассиана, озвучив следую- щий тезис: «Имеющий [право] утверждения (ὁ ἔχων τὸ κῆρος) блаженный Прокл принял его; принял его и блаженный Феодосий, благо- чествивший император, и, призвав их, сделал их друзьями» [14, р. 48 [407].32–35]. В отличие от противников Вассиана, апеллировавших к 16-му и 17-му правилам Антиохийского со- бора [14, р. 48 [407].19–27], Лукиан заявил, что право константинопольского предсто- ятеля утверждать избрание эфесского епископа основано на 4-м правиле Никейского собора. Это правило включает следующее положение:

«утверждение (τὸ κῆρος) же происходящего дается в каждой провинции епископу митрополии» [22, р. 22]. Тем самым в высказывании Лукиана, заявившего, что константинопольскому архиепископу принадлежит право утверждения избрания митрополитов, легко усматривается натяжка, поскольку митрополичье право утверждения избрания епископов провинции он экстраполировал на более высокий уровень церковной организации.

По требованию императорских чиновников столичные клирики должны были засвидетельствовать факт признания Проклом епископского достоинства Вассиана. Клирики подтвердили факт отправки в Эфес синодики и включение имени Вассиана в диптихи Константинопольской Церкви [14, р. 49 [408].30–36]. Далее было выяснено, что соперник Вассиана Стефан был возведен в епископское достоинство Диоскором Александрийским якобы по приказу императора Феодосия [14, р. 50 [409].1–2]. После приведения дополнительных свидетельств в пользу Вассиана Лукиан Визский и Мелифтонг Юлиопольский заявили, что Вассиан, четыре года невозбранно бывший епископом в Эфесе и признанный в этом сане императором и Проклом Константинопольским, является законным епископом [14, р. 50 [409].30].

В итоге судьи огласили вердикт, согласно которому ни Вассиан, ни его соперник Стефан не имели законных прав занимать эфесскую кафедру. Судьи заявили, что необходимо избрать нового епископа и обратились к собору с предложением высказаться по поводу этого решения. От имени собора выступили римские легаты и Анатолий Константинопольский, выразившие согласие с решением судей. Анатолий также указал, что оба тяжущихся епископа должны оставить свою должность, а Эфесу будет дан (δοθήσεται) новый епископ. Отцы собора поддержали это решение.

Присутствующими епископами провинции Асия их реплики были восприняты как намерение немедленно приступить к рукоположению нового митрополита, против чего они стали решительно возражать [14, р. 52 [411].17–21]. Судьи обратились к собору с уточняющим вопросом о том, где согласно канонам должен быть рукоположен епископ Эфеса, и получили ответ, что это должно

произойти «в [самой] провинции». На это последовал ряд возражений. Диоген Кизический отметил: «В обычае [делать это] здесь. Если бы епископ был [поставлен] из Константинополя, такого бы не произошло. Там они рукополагают лавочников ⁷, и из-за этого происходит разброд (ἀνατροπή)» [14, р. 52 [411].29–31]. Несмотря на отдельные возражения асийцев константинопольские клирики стали заявлять о регулярности поставления асийских епископов в Константинополе, ставя в пример действия Иоанна Златоуста, а также приводя имена эфесских митрополитов, рукоположенных или утвержденных в столице.

На это некоторые епископы, очевидно в поддержку вынесенного решения, стали кричать: «Да имеют силу каноны! Голоса императору!» Столичные клирики на это заявили следующее: «[Дела] ста пятидесяти святых отцов да имеют силу! Привилегии Константинополя (τὰ προνόμια Κωνσταντινουπόλεως) да не погибнут! Рукоположение по обычаю происходит от здешнего архиепископа (ὕπὸ τοῦ ὄντος ἀρχιεπισκόπου)!» [14, р. 53 [412].5–7]. Данная реплика была подана как бы вопреки позиции Анатолия, заявившего о согласии с предложенным судьями постановлением, которое не признавало легитимности Вассиана Эфесского даже несмотря на признание за ним епископского достоинства со стороны императора и Прокла Константинопольского. Впрочем, вполне возможно, что аккламации клириков имели целью неофициально заявить позицию Константинопольской Церкви в ситуации, когда ее предстоятелю представлялось более уместным официально присоединиться к позиции императорских чиновников и папских легатов.

Но наиболее важной в политическом отношении частью реплики была увязка с обсуждаемой ситуацией постановлений 150 отцов Константинопольского собора 381 г., авторитет которого на предыдущих сессиях был поставлен наравне с Никейским собором и Эфесским собором 431 года. Константинопольские клирики открыто дали понять, что авторитетность постановлений этого собора выражается не только в формулировке «цареградского» Символа веры, но и в прочих определениях, из числа которых треть действительно касалось привилегий Константинополя: «Епископу же Константинополя иметь преимущества чести

(τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς) после епископа Рима в силу того, что он есть Новый Рим» [22, р. 66; 8, с. 201–207]. Тем самым столичные клирики представили факт утверждения Константинополем избрания асийского митрополита как «привилегию», основанную на определении II Вселенского собора.

Еще более любопытным представляется упоминание клириками «здешнего архиепископа». Его следует сопоставить с фразой Диогена Кизического, указавшего на обычай рукополагать «здесь», то есть в Константинополе. Между тем собор проходил в Халкидоне, в провинции Вифиния Понтийского диоцеза, а отнюдь не в Константинополе, и тем не менее, с точки зрения и клириков Константинополя, и Диогена, епископа города Кизика в провинции Геллеспонт, собор оказывается как бы на территории, подчиненной архиепископу Константинопольскому, в силу чего они и используют наречие «здесь».

В связи с возникшими разногласиями судьбы перенесли на следующий день принятие соборного решения о том, следует ли рукоположить для Эфеса нового епископа, или же оставить кого-то из прежних – Вассиана или Стефана. Члены собора на этот раз высказались в пользу того, чтобы был рукоположен новый епископ, причем первым высказался Анатолий Константинопольский, а лишь затем легат папы Пасхазин. Так как даже среди представителей папы не оказалось единства по этому вопросу, судьи призвали участников на Евангелии заявить, следует ли оставить на эфесской кафедре одного из тяжущихся, или отвергнуть обоих [14, р. 54 [413].3–8]. Участники собора вновь заявили свои мнения, причем первым опять высказывался Анатолий Константинопольский, что выглядело как указание на его юрисдикцию в отношении провинции Асия. Возобладало мнение, высказанное им и легатом Пасхазин, и судьи утвердили его в качестве окончательного приговора. Так, в ходе обоих заседаний было озвучено и реализовано право константинопольского архиепископа принимать решения относительно эфесской кафедры.

В ходе следующего 14-го деяния 30 октября 451 г. рассматривался иск митрополита Никомидии Евномия, поданный уже в ходе собора императору против митрополита Ни-

кеи Анастасия [1, с. 91–92; 41, р. 23–24; 26, S. 310–312]. Последний, по словам Евномия, нарушил митрополичьи права никомидийского епископа в пределах провинции Вифиния, присвоив себе право рукоположения в городке Василинополе. По мнению Евномия, Анастасий нарушил одновременно «действующие в церквях императорские и церковные определения». По мнению же Анастасия, Евномий похитил у него древние права, о чем тот неоднократно докладывал Анатолию Константинопольскому [14, р. 57 [416].43–58 [417].37] ⁸. Согласно мнению Евномия, ему были подчинены церкви во всех городах Вифинии, в то время как Анастасий утверждал, что Василинополь, прежде бывший «районом» (ῥεγεῶν) Nikeи, а при императоре Юлиане получивший статус полиса, в церковном и гражданском отношении всегда зависел от Nikeи. Права никейского епископа в отношении рукоположения епископа в Василинополе подтверждались и грамотами константинопольских епископов Иоанна Златоуста и Прокла.

Между тем Евномий оспаривал факт рукоположений василинопольских епископов никейскими митрополитами, говоря, что если единичный подобный случай и имел место, это произошло «в похищение» (καθ' ὑφαρλαγήν) прав никомидийского митрополита [14, р. 59 [418]]. В свою очередь Анастасий в подкрепление прав решать дела церкви Василинополя вновь сослался на авторитет константинопольского архиепископа, который ранее в ходе спора, послужившего ныне поводом к иску со стороны Евномия, не занял однозначно сторону никомидийского епископа.

Судьи затребовали представить канон, который бы регулировал данную ситуацию. Был зачитан 4-й канон никейского собора, определявший право митрополита утверждать рукоположения в провинциях. Анастасий на это заявил, что митрополит – он. Судьи потребовали доказательств [14, р. 60 [419]], на что Анастасий предъявил им текст эдикта императоров Валентиниана I и Валента, подтверждающий за Nikeей права митрополии [14, р. 61 [420].1–17]. В ответ на это Евномием Никомидийским был представлен аналогичный по смыслу эдикт Валентиниана I (364–375), предоставляющий права митрополии Никомидии [14, р. 61 [420].25–27].

Судьи замечают на это, что ни одна из «божественных грамот» не касается городско-го епископства, однако грамота, данная Никее, говорит, что достоинство прочих городов не умаляется в связи с возвышением Никее. Канон же предусматривает наличие в провинции одного митрополита. В ответ на это участники собора заявляют, что приоритет должен быть отдан канонам. Согласно выраженному мнению, в данном деле право рукоположения всех епископов провинции должно считаться принадлежащим Никомидии, «поскольку она митрополия с древности (ἐξ ἀρχαίου)» [14, р. 62 [421].4–5]. Это мнение было особо подтверждено епископами понтийского диоцеза, к которому относилась Вифиния. Относительно статуса Никее они заявили, что последняя – митрополия лишь по имени и «предпочитается (προτιμάται) прочим епископам провинции одной своей честью (τῇ τιμῇ μόνῃ)» [14, р. 62 [421].13–14].

Собор согласился с этим мнением, однако константинопольский диакон Аэтий заявил: «Мы ходатайствуем перед Вашим великолепием, испрашивая, чтобы в отношении святейшего престола Константинополя не вынесло никакого предварительного суждения⁹ ни то, что заявляется ныне (τὰ νῦν διαλαλούμενα) блаженнейшими епископами, ни то, что происходит (τὰ κινούμενα) между боголюбнейшим епископом никомидийцев Евномием и боголюбнейшим епископом никейцев Анастасием, ни то, что постановляется в отношении них (τὰ ἐπ’ αὐτοῖς τυπούμενα). Ибо святейший престол Константинополя либо сам осуществляет хиротонию (τὴν χειροτονίαν αὐτὸς ἐνεργεῖ) в Василинополе вместе с остальными, либо позволяет [ей] произойти (ἐπιτρέπει γενέσθαι), согласно тому, что смогут многократно засвидетельствовать исходящие и исходившие грамоты. Мы просим представить эти письма» [14, р. 62 [421].17–25].

Судьи, ссылаясь на высказанное мнение собора, выносят постановление удовлетворить иск Евномия Никомидийского, в отношении же заявления представителя Константинополя говорят следующее: «Что же подобает престолу святейшей церкви великоименитого Константинополя в отношении рукоположения в провинциях, это будет разобрано на святом соборе в свою очередь (κατὰ τάξιν)» [14, р. 62

[421].31–33]. О том, что вопрос о привилегиях константинопольского престола на Соборе будет поднят, стало известно от председательствующих сановников заранее и не составляло тайны для его участников.

На пятнадцатом деянии 31 октября 451 г. рассматривалось дело Савиниана, низложенного епископа Перрского, подавшего императорам иск против своего предшественника Афанасия, ранее низложенного, но вновь занявшего кафедру Перры по решению Эфесского собора 449 г. [14, р. 64 [423].40–65 [424].25; 1, с. 92; 41, р. 34–36; 19, р. 67–71; 26, S. 319–322]. Савиниан был низложен Диоскором Александрийским «посредством» (διὰ) собственного митрополита Стефана, который восстановил на кафедре города Перры ранее низложенного антиохийским собором Афанасия [14, р. 65 [424].28–66 [425].6]. В своем ответном слове Афанасий заявил, что его дело уже давно было заслушано Кириллом Александрийским и Проклом Константинопольским, которые направили «однозначные определения» (φανεροὺς τύπους) Домну Антиохийскому. Последний согласился их исполнить, однако незадолго до смерти Кирилла призвал Афанасия на новый суд. Ссылаясь на то, что решение по его делу уже вынесено, Афанасий отказался на него явиться [14, р. 66 [425].10–19]. В результате состоявшийся в Антиохии в 445 г. собор его низложил, заявив, что Афанасий ввел в заблуждение Прокла Константинопольского и Кирилла Александрийского. На основании данного решения, подтвержденного присутствующими в Халкидоне участниками собора 445 г., судьи сохранили перрскую кафедру за Савинианом [14, р. 82 [441].36–83 [442].25]. С точки зрения роли Константинополя данное дело примечательно участием в нем Прокла Константинопольского, который в свое время счел возможным в почтительных выражениях рекомендовать антиохийскому архиепископу повторно рассмотреть дело, что в итоге и произошло¹⁰.

Тенденции к узаконению особого положения константинопольского престола, обозначенные в ходе предшествующих соборных заседаний, достигают кульминации 31 октября и 1 ноября в ходе последних деяний – 16-го и 17-го, и венчаются соборным приговором, сформулированным в 28-м халкидонском

правиле и интерпретированным в окончательном решении императорских чиновников¹¹.

Хотя эти события отражены в актах в виде 16-го и 17-го соборных деяний, следует отметить, что в данном случае акты не сохранили записей важного заседания, состоявшегося вечером 31 октября. 16-е соборное деяние относится к тому же заседанию, на котором было рассмотрено дело Савиниана, однако выглядит несколько странно¹². Греческие акты содержат лишь эпизод с зачитыванием папским легатом Бонифацием послания папы Льва к собору [14, Р. 83 [442].31–42], в то время как латинская версия отсутствует. Из событий, последовавших в ходе 17-го деяния, становится известно, что накануне, в завершающей части 16-го деяния, были приняты решения относительно константинопольской кафедры. Таким образом, выясняется, что и по-гречески 16-е деяние сохранилось лишь фрагментарно¹³.

Его акты содержат список участников и описывают процедуру зачитывания, по инициативе римских представителей, послания папы Льва к Собору, привезенное Юлианом Косским [14, р. 83 [443].28–85 [444].42; 42, S. 81–82]. Послание было составлено еще 26 июня и адресовано отцам собора. Необходимость озвучить его целиком (чего не было сделано в начале заседаний собора), выясняется лишь из обстоятельств, которые представлены в 17-м деянии и будут анализироваться нами ниже. На их основании можно сделать предположение о том, какие именно пассажи послания Льва имели значение в данном контексте.

По нашему мнению, важной является вступительная часть послания: «Ради любви к нашему сообществу желал я, любезнейшие, чтобы все священники Господа упорствовали в единой приверженности католической вере, и никто не отклонялся ради благоволения или страха перед светскими властями [так], чтобы сойти с пути истины. Но поскольку много происходит [такого], что может породить раскаяние, ... следует принять исполненный благочестия совет милосерднейшего принцепса, посредством которого он пожелал собрать святое Ваше братство для разрушения козней дьявола и восстановления церковного мира, соблюдая право и сан (*iure atque honore seruato*)

блаженнейшего апостола Петра тем, что своими письмами об этом деле пригласил и нас, дабы предоставили мы досточтимому собору наше присутствие» [14, р. 51.31–52.8]. Далее Лев объясняет, что обстоятельства времени и отсутствие «обычая» (*consuetudinem*) являться на собор лично вынудили его отправить легатов, посредством которых он намеревался «председательствовать» (*praesidere*) на соборе. Понтифик указывает на свое несомненное православие и предписывает не устраивать никаких диспутов о вере, которая «наиболее полным и ясным образом» уже была изложена в его «Томосе». Он призывает к возвращению на свои кафедры низложенных за веру епископов, чтобы «никто не был настолько лишен своего, чтобы другой пользовался чужим (*ne quisquam ita careat propriis, ut alter utatur alienis*)», поскольку «ни у кого не должен пропасть ранг (*nemini quidem perire honor debeat*)», и «тем, кто трудился ради веры, должно быть восстановлено их собственное право со всей его привилегией (*cum omni priuilegio suo oporteat ius proprium reformari*)» [18, р. 52.9–30].

По сути дела, в ситуации, когда в конце дня 31 октября сановники покинули заседание, чтение письма было призвано напомнить епископам, что заседание должно быть под председательством римских легатов. Пассажи о сохранении кафедрами своих достоинств и пресечении покушений на чужие права были призваны предотвратить рассмотрение дела о возвышении константинопольской кафедры, заявленное накануне сенаторами. Из дальнейшего становится ясно, что вечером 31 октября папские легаты покинули заседание вслед за чиновниками. Акты состоявшегося на следующий день 17-го деяния фиксируют реакцию римских легатов на решения, принятые собором в их отсутствие [41, р. 67–73]. В силу последнего обстоятельства, по мнению легатов, эти решения должны были противоречить «церковным канонам и дисциплине» (*praeter canones ecclesiasticos et disciplinam*), и потому они потребовали их публичного оглашения [17, р. 101 [540].15–19].

Текст 17-го деяния, сохранившегося на обоих языках, содержит следующее разъяснение константинопольского архидиакона Аэтия: «Признано (*ὁμολόγηται*), что относи-

тельно определения веры они приняли [то], что подобает. А на соборах есть обычай, чтобы после того, как будет определено самое важное, рассматривалось и определялось и иное необходимое. У нас, то есть у святейшей Константинопольской Церкви, было что публично (φανερά τινα) совершить. Мы пригласили господ епископов из Рима стать соучастниками совершаемого. Они отказались, говоря, что не получили таких инструкций (ἐντολάς). Мы доложили и Вашему великолепию. Вы приказали присутствующему святому собору это самое рассмотреть. Когда Ваше великолеpie удалилось, святейшие епископы, поскольку [это] дело было здесь общим, приступив, запросили, чтобы это деяние (τὴν πράξιν) состоялось. Они присутствуют здесь, а [деяние] было совершено не тайно и не воровским образом, но является последовательным и каноническим (ἀκόλουθος καὶ κανονική)» [14, р. 88 [447].14–24].

Очевидно, что слова Аэтия о соборном обычае касались не только рассмотрения дела о возвышении константинопольской кафедры, но и всей совокупности дел, рассмотренных после утверждения вероучительного ороса: все эти дела не были предусмотрены изначальной повесткой, однако возникли благодаря тому, что многие участники уже в ходе собора подали иски на имя императора [26, S. 271–272]. Вопрос о «некоем прибавлении к чести» (προσθήκη τις εἰς τιμὴν) константинопольской кафедре был инициирован императорами, клиром, сенатом и народом столицы, как это явствует из писем участников собора, направленных папе Льву после его завершения [13, р. 53 [249].28–32; 14, р. 118 [477].26–31]. Тем самым этот вопрос имеет то же происхождение, что и все прочие дела, касающиеся вопросов церковной юрисдикции и замещения престолов, которые представлены в 8–17 соборных деяниях.

Очевидно, что как раз необходимость рассмотреть не заявленный в изначальной повестке вопрос потребовала подтверждения полномочий папских легатов на основе данных им письменных инструкций. Инициаторами оглашения инструкций были либо сами папские легаты, пытавшиеся избежать участия в обсуждении неудобного вопроса, либо первенствующие члены собора, желавшие

исключить лидирующее участие римских. Требование представить свои полномочия могло быть обращено и к другим участникам собора, имевшим разрешение представлять другие Церкви, однако сведений об этом в актах нет.

Затем Аэтий зачитал постановление собора, известное впоследствии как его 28-е правило, за которым в актах следуют подписи 185 участников во главе с Анатолием Константинопольским, Максимом Антиохийским и Ювеналием Иерусалимским. Его важнейшим пунктом, помимо конкретизации территориальной юрисдикции столичного патриарха, было установление, со ссылкой на решение собора 381 г., ранга чести константинопольского престола: «Движимые той же целью, сто пятьдесят боголюбезных епископов уделили Новому Риму равные преимущества (τὰ ἴσα πρεσβεῖα), разумно сочтя, что град, почтенный царем и сенатом и наслаждающийся равными преимуществами (τῶν ἴσων ... πρεσβεῖων) со Старшим Римом, и в церковных делах величается как и тот, будучи вторым по нем (δευτέραν μετ' ἐκεῖνην ὑπάρχουσαν)» [14, р. 89 [448].5–9].

Римские легаты попытались оспорить это решение. По их мнению, каноны I Вселенского собора в Никее (325 г.) имели приоритет над определениями Константинопольского собора 381 г. Епископ Лукенсий заявил следующее: «Более того (accedit ad cumulum): отставив постановления (constitutionibus postpositis) трехсот восемнадцати [отцов], они, оказывается, упомянули только [постановления] ста пятидесяти, которых среди соборных канонов не имеется! Это, они говорят, было установлено около восьмидесяти лет назад. Если, стало быть, они столько времени пользовались этой льготой (hoc beneficio), то чего сейчас добиваются (requirunt)? А если никогда не пользовались, почему добиваются?» [17, р. 109 [548].1–6]¹⁴.

Несмотря на то, что канон о преимуществах чести Константинополя безусловно являлся подлинным постановлением собора 381 г. [32, S. 85–96; 30, S. 523–525], затронутый пункт (κεφάλαιον), по-видимому, был болезненным для константинопольской стороны, и потому Аэтий потребовал у представителей папы подтвердить их полномо-

чия обсуждать его. Легаты предъявили свои инструкции, в которых значилось: «Также да не потерпите вы, чтобы представленное постановление святых отцов нарушалось каким-либо безрассудством, всеми способами храня в вас, кого мы послали вместо себя, наше достоинство (*dignitatem*). Так что если вдруг кто-то, полагаясь на величие своих городов (*ciuitatum suarum splendore*), попытается присвоить (*usurpare*) себе что-то, вы с достойным упорством давайте этому отпор (*retundatis*)» [17, р. 109 [548].13–16].

Упомянутое «постановление святых отцов» оказалось 6-м правилом Никейского собора в фальсифицированной римской редакции, включающей прибавление: *Ecclesia Romana semper habuit primatum* [36]. В свою очередь, представителями Константинополя был предъявлен подлинный текст никейского канона, а также текст 3-го канона второго Вселенского собора [14, р. 96 [455].21–22].

Этот эпизод показателен по целому ряду причин. Прежде всего, пассаж из инструкции Льва своим легатам ясно свидетельствует о том, что он вполне осознавал проблему возвышения той или иной кафедры в ущерб римской. Можно только предполагать, что понтифик мог опасаться возвышения не только Константинополя, но, ввиду обстоятельств и итогов проведения Вселенского собора в Эфесе в 449 г., и Александрии. С другой стороны, этот эпизод демонстрирует готовность константинопольской стороны к тому, что представителями Рима в качестве аргумента будет представлено 6-е никейское правило, поскольку у них наготове был его подлинный текст.

Далее, после того, как митрополиты и епископы Азии и Понта подтвердили, что данное определение было подписано ими без принуждения, чиновники огласили свой вердикт, в главном повторяющий определение, принятое собором накануне [14, р. 98 [457].32–99 [458].9]. Впрочем, в нем имелось и принципиальное отличие от формулировок епископов. В оглашенном сановниками решении отсутствует намек на второе место константинопольской кафедры по отношению к римской: «На основе деяний (*πεπραγμένον*) и заявления (*καταθέσεως*) каждого мы, прежде всего, усматриваем (*συνωρίζεμεν*), что первенство и исключительная честь (*τὰ πρωτεῖα καὶ τὴν ἐξαιρέτων*

τιμῆν), согласно канонам, сохраняется за боголюбезнейшим архиепископом Старшего Рима, и что блаженнейшему архиепископу царского Константинополя, Нового Рима, надлежит наслаждаться теми же преимуществами чести (*τῶν αὐτῶν πρεσβειῶν τῆς τιμῆς*), и ему же в силу авторитета (*ἐξ ἀθθεντίας*)¹⁵ [надлежит] иметь власть (*ἐξουσίαν*) рукополагать митрополитов в асийском, понтийском и фракийском диоцезах...» [14, р. 98 [457].32–36]¹⁶.

Таким образом, приговор назначенных императором судей из числа высших сановников Империи, в отличие, как от определения, сформулированного епископами накануне 17-го деяния, так и от 3-го правила Константинопольского собора 381 г., отвергает подчиненное и вторичное по чести положение константинопольского архиепископа в сравнении с римским¹⁷. Говоря о тех же «преимуществах чести» столичного предстоятеля, судьи явно указывают на то, что последний обладает «первенством и исключительной честью» в той же мере, что и римский. С другой стороны, сенаторы не отвергли фальсифицированного римского чтения 6-го никейского правила, признав, что Рим имеет каноническое основание для своего первенства. Можно предположить, что это было неким компромиссом: за Римом признавалось право на свою версию 6-го никейского правила, но он не должен был протестовать против официального нового положения константинопольской кафедры¹⁸.

Результаты. Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд наблюдений и выводов, касающихся процедуры возвышения константинопольской кафедры в ходе IV Вселенского собора. Следует отметить, что как таковая процедура возвышения кафедры не была прописана в каких-либо канонических или государственно-правовых актах. В сущности, можно говорить лишь о практике, согласно которой та или иная кафедра меняла свой статус посредством императорского распоряжения. В этом отношении случай возвышения Константинополя является весьма важным прецедентом, показательным также с точки зрения задействованной процедуры.

После завершения Эфесского собора 449 г. Рим требовал проведения в Италии нового вселенского собора под председательством

римского епископа. Папа Лев был уверен, что его легаты будут председательствовать и на созываемом Халкидонском соборе, выступая там одновременно как председатели, обвинители и судьи. Легаты получили инструкции препятствовать возможному возвышению других кафедр и продвигать «вселенский» титул римского епископа [6, с. 259–264]. Тем самым можно сделать вывод, что возвышение Константинополя, по сути дела, осуществлялось в пику Риму и в значительной мере тем же путем, каким происходило церковное возвышение последнего. Посредством фальсифицированного 6-го правила Рим возводил свой первенствующий статус к Никейскому собору, в то время как Новый Рим возвышался на основе 3-го правила Константинопольского собора 381 г., утвердившего новую редакцию Символа веры¹⁹, принявшего уточняющие каноны касательно юрисдикции престолов и приравненного в Халкидоне к Никейскому. Декреты императоров Грациана и Валентиниана II 378 г., а также Валентиниана III 445 г. [3, с. 62–67], отчасти наделявшие Рим полномочиями, предусмотренными Сардикийским собором, послужили законодательной основой римской церковной юрисдикции, в то время как права юрисдикции Константинополя, выраженные в 9, 17 и 28-м халкидонских правилах, также получали теперь полную императорскую санкцию.

Главным препятствием на пути возвышения Константинополя являлось укоренившееся к тому времени представление о важности и неизменности постановлений Никейского собора. Поскольку статус Константинополя, в отличие от статуса других крупнейших кафедр, не был предметом регулирования 6-го правила Никейского собора, сторонники возвышения Нового Рима пошли по пути придания Константинопольскому собору 381 г. статуса II Вселенского, имевшего необходимые атрибуты для того, чтобы восприниматься в качестве необходимого продолжения Никейского собора 325 года. В силу этого была санкционирована прибавка в никейский Символ веры, по преданию связанная с собором 381 года²⁰. Помимо этого, правило Константинопольского собора 381 г., касающееся «преимуществ чести», было введено в оборот в качестве канонической основы позднейших

действий столичной кафедры как инстанции для рукоположений епископов и митрополитов на сверхпровинциальном уровне, прежде всего, в Малой Азии, а также инстанции, уполномоченной принимать апелляции. Ряд пересмотренных в ходе Халкидонского собора дел выявил глубокую вовлеченность столичной кафедры в церковные дела Малой Азии и Сирии и представил необходимые прецеденты для урегулирования ее статуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О составе собора и председательстве на нем см.: [20, р. 115–120; 21, S. 9–12; 1, с. 76–77; 31, р. 247–248; 10, с. 33; 39, р. 41–42; 26, S. 154–167, 192–196].

² Тот факт, что на соборе выделенными оказываются три архиепископа, в то время как Максим Антиохийский и Ювеналий Иерусалимский, хотя и упоминаются непосредственно после архиепископов, однако входят в категорию «остальных епископов», не позволяет, по нашему мнению, говорить о выделении первой пятерки из списка в особую категорию – прообраз будущей «пентархии» – уже в Халкидоне. Ср.: [26, S. 193; 9, с. 24].

³ Этот пассаж также является первым случаем, когда «вера 150 отцов» однозначно связывается с Константинопольским собором 381 г. Ср.: [11, S. 351].

⁴ Греческий перевод: [13, р. 93 [289].22–31].

⁵ Подробно это дело анализируется нами в следующей работе: [5]. См. также: [29; 40, р. 169–171; 26, S. 305–310].

⁶ Обращение Маркиана в составе латинских актов сохранилось в двух вариантах, один из которых следует считать оригинальным латинским текстом речи, а второй – обратным переводом с греческого. См.: [27, р. 152–154]. На тему двуязычия соборных актов в целом см.: [37].

⁷ Слово *σαλγαμάρτος* (от лат. *salgamarius*), которое мы переводим как «лавочник», дословно означает «торговец солениями».

⁸ О соперничестве Никоидии и Никее за первенство и титул митрополии, восходящем к дохристианским временам см.: [33; 23, S. 282–288; 25, р. 291–297, 314–324].

⁹ Речь идет о понятии преюдиции (*praejudicium*, греч. *πρόκριμα*). См. о нем: [7].

¹⁰ Любопытным представляется тот нюанс, что участники антиохийского собора 445 г. при упоминании Прокла Константинопольского и Кирилла Антиохийского неизменно ставят первого на первом месте: [14, р. 74 [433]–75 [434], 77 [436].13, 79 [438].32].

¹¹ Основная литература, посвященная анализу обстоятельств принятия 28-го халкидонского правила и его содержания, приведена нами в: [2, с. 56, примеч. 54]. См. помимо этого: [26, S. 353–357].

¹² См. обсуждение проблемы 16-го деяния в: [41, р. 62–63].

¹³ Ср. в этой связи мнение Ев. Хрисоса, который считает акты 16-го деяния неподлинными: [43, с. 274–275]. См. тж.: [1, с. 93].

¹⁴ Греческий текст этого пассажа заметно отличается от латинского. Ср. [14, р. 95 [454].1–2]. Констатацию различий латинского и греческого текстов в данном деянии см. в: [37, S. 247–248].

¹⁵ В латинском переводе выражение «в силу авторитета» отсутствует.

¹⁶ Отметим, что в латинском переводе для двух греческих технических терминов τῆ προτέῃα и τῆ πρεσβεῖα используется один термин – primatus. Ср.: primatum et honorem praecipuum et primatibus honoris [17, р. 113 [552].8–13].

¹⁷ Отметим, что формулировка, предложенная епископами, более корректна, нежели формулировка сановников, поскольку ведет речь о преимуществах престолов, а не предстоятелей. Первенства связывались прежде всего с городами и престолами. Именно ранг города обуславливал ранг («преимущество») его предстоятеля, а не наоборот. Тем не менее как в итоговом послании участников собора папе Льву, так и в послании ему же императора Маркиана содержится четкое указание на второе место Константинопольского престола. Ср.: [13, р. 55 [251].28–32; 14, р. 118 [477].11–16].

¹⁸ Впрочем, если такой расчет и был, он не сработал. Обе Церкви погрузились в затяжной конфликт по этому поводу. См.: [4; 2, с. 56–65].

¹⁹ Как уже было сказано, связь «веры 150 отцов» с Константинопольским собором 381 г. впервые была заявлена именно в ходе Халкидонского собора: [11, S. 351–352].

²⁰ Ряд авторов связывают появление новой редакции Символа веры с Антиохийским собором 379 г. См.: [38; 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вселенские Соборы. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – 223 с.

2. Грацианский, М. В. Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных соборов и императорской церковной политики / М. В. Грацианский // Византийский временник. – 2018. – Т. 102. – С. 45–70.

3. Грацианский, М. В. Каноническая позиция папства в деле патриарха Акакия Константинополь-

ского / М. В. Грацианский // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 53–72.

4. Грацианский, М. В. Папа Лев Великий и его толкование 6-го Никейского канона / М. В. Грацианский // Церковь в истории России: сб. 11. К 70-летию Н. Н. Лисового / отв. ред. А. В. Назаренко. – М.: Наука, 2016. – С. 159–175.

5. Грацианский, М. В. Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита / М. В. Грацианский // Via in tempore. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 505–517.

6. Грацианский, М. В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа / М. В. Грацианский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 255–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.

7. Кофанов, Л. Л. К интерпретации понятия praecipuum в римском праве / Л. Л. Кофанов // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2012. – Т. 8, Вып. 1. – С. 5–14.

8. Л'Юилье, П. Правила первых четырех Вселенских Соборов / П. Л'Юилье. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2005. – 527 с.

9. Пашков, Д. В. Пентархия патриархов при императоре Юстиниане I: Предпосылки / Д. В. Пашков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2020. – Вып. 97. – С. 23–39.

10. Пашков, Д. В. Процедура Вселенских Соборов / Д. В. Пашков // Собор и соборность: к столетию начала новой эпохи: материалы Международ. науч. конф., 13–16 ноября 2017 г. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – С. 27–39.

11. Abramowski, L. Was hat das Nicaeno-Constantinopolitanum (C) mit dem Konzil von Konstantinopel 381 zu tun? / L. Abramowski // Neue christologische Untersuchungen / hrsg. von V.H. Drecoll, H.Ch. Brennecke, Ch. Marksches. – Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021. – S. 331–362.

12. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 1. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. – xvi, 196 p.

13. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 1. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. – xii, 163 p.

14. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 1. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1935. – xxx, 154 p.

15. Acta conciliorum oecumenicorum. Т. II. Vol. 3. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1935. – xviii, 259 p.

16. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1936. – vii, 180 p.
17. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1937. – xxiii, 162 p.
18. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 4 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1932. – xxxvi, 192 p.
19. Bevan, G. A. Theodoret of Cyrhus and Syrian Episcopal Elections / G. A. Bevan // Episcopal Elections in Late Antiquity / ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen, Sh.W. J. Keough, C. Nicolaye. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. – P. 61–87.
20. Camelot, P.-Th. Éphèse et Chalcédoine / P. Th. Camelot. – Paris : Éditions de l'Orante, 1962. – 257 p. – (Histoire des conciles oecuméniques ; 2).
21. Chrysos, E. Konzilspräsident und Konzilsvorstand / E. Chrysos // Annuarium Historiae Conciliorum. – 1979. – Bd. 11. – S. 1–17.
22. Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. Vol. 1 / ed. G. Alberigo [et al.]. – Turnhout : Brepols Publishers, 2006. – 372 p.
23. Haensch, R. Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit / R. Haensch. – Mainz : P. von Zabern, 1997. – 861 S.
24. Hajjar, J. Le synode permanent (Synodos endemousa) de l'Eglise byzantine des origines jusqu'au XIe siècle / J. Hajjar. – Roma : Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1962. – 230 p. – (Orientalia Christiana Analecta ; 164).
25. Heller, A. “Les bêtises des grecs”. Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.) / A. Heller. – Bordeaux : De Boccard, 2006. – 425 p.
26. Leuenberger-Wenger, S. Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert / S. Leuenberger-Wenger. – Leiden ; Boston : Brill, 2019. – 617 S. – (Supplements to Vigiliae Christianae ; 153).
27. Mari, T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon / T. Mari // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 2018. – Vol. 58. – P. 126–155.
28. Menze, V. Das Konzil als Instrument imperialer Politik. Die Reorganisation der Konziliengeschichte und der Kirchenordnung durch Chalkedon / V. Menze // Konzilien und kanonisches Recht in Spätantike und frühem Mittelalter. Aspekte konziliarer Entscheidungsfindung / hrsg. von W. Brandes, A. Hasse-Ungeheuer, H. Leppin. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2020. – S. 41–55.
29. Millar, F. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century : Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy / F. Millar // Scripta Classica Israelitica. – 2012. – Vol. 33. – P. 65–84.
30. Ohme, H. Kanon ekklesiastikos. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs / H. Ohme. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1998. – xvii, 666 p.
31. Price, R. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils / R. Price // Annuarium Historiae Conciliorum. – 2009. – Vol. 41. – P. 241–274.
32. Ritter, A. M. Das Konzil von Konstantinopel und sein Symbol. Studien zur Geschichte und Theologie des II. Ökumenischen Konzils / A. M. Ritter. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. – 316 S.
33. Robert, L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie : La Gloire et la haine / L. Robert // Harvard Studies in Classical Philology. – 1977. – Vol. 81. – P. 1–39.
34. Roueché, Ch. Acclamations at the Council of Chalcedon / Ch. Roueché // Chalcedon in Context. Church Councils 400–700 / ed. by R. Price, M. Whitby. – Liverpool : Liverpool University Press, 2011. – P. 169–177.
35. Schwartz, E. Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon / E. Schwartz // Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche. – 1926. – Bd. 25. – S. 38–88.
36. Schwartz, E. Der sechste nicaenische Kanon auf der Synode von Chalcedon / E. Schwartz // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. – 1930. – Bd. 27. – S. 611–640.
37. Schwartz, E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten / E. Schwartz // Philologus. – 1933. – Bd. 88. – S. 245–253.
38. Staats, R. Die römische Tradition im Symbol von 381 (NC) und seine Entstehung auf der Synode von Antiochien 379 / R. Staats // Vigiliae Christianae. – 1990. – Vol. 44, № 3. – S. 209–221.
39. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 1 / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 365 p.
40. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 2 / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 312 p.
41. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 3. / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 312 p.
42. Wille, A. Bischof Julian von Kios, der Nunzius Leos des Großen in Konstantinopel / A. Wille. – Kempten ; München : Jos. Kösel'sche Buchhandlung, 1910. – xii, 159 S.
43. Χρυσός, Έ. Η διάταξις τῶν συνεδριῶν τῆς ἐν Χαλκηδόνι οἰκουμενικῆς συνόδου / Έ. Χρυσός // Κληρονομία. – 1971. – Τ. 3, Τεύχ. 2. – Σ. 259–284.

REFERENCES

1. *Vselenskie Sobory* [Universal Councils]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2005. 223 p.
2. Gratsianskiy M.V. Borba rimskogo papy Lva Velikogo za tserkovnoe pervenstvo v kontekste vostochnykh soborov i imperatorskoy tserkovnoy politiki [The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2018, vol. 102, pp. 45-70.
3. Gratsianskiy M.V. Kanonicheskaya pozitsiya papstva v dele patriarkha Akakiya Konstantinopolskogo [Canonical Position of the Papacy in the Case of the Patriarch of Constantinople Acacius]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2015, iss. 43, pp. 53-72.
4. Gratsianskiy M.V. Papa Lev Velikiy i ego tolkovanie 6-go Nikeyskogo kanona [Pope Leo the Great and His Interpretation of the Sixth Nicene Canon]. *Tserkov v istorii Rossii: sb. 11. K 70-letiyu N.N. Lisovogo* [Church in the History of Russia. Vol. 11. On the Occasion of the 70th Anniversary of N.N. Lisovoy]. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 159-175.
5. Gratsianskiy M.V. Uporyadochenie tserkovno-administrativnogo statusa mitropoliy na Khalkidonskom sobore na primere tyazhby mitropolitov Tira i Berita [Status Regulation of Metropoleis in Regard to the Ecclesiastical Administration during the Council of Chalcedon: The Case of the Litigation Between the Metropolitans of Tyre and Berytus]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History and Political Science], 2020, vol. 47, no. 3, pp. 505-517.
6. Gratsianskiy M.V. Chetvertyy Vselenskiy sobor i problema pervenstva rimskogo episkopa [The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255-271. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.
7. Kofanov L.L. K interpretatsii ponyatiya praeiudicium v rimskom prave [About the Interpretation of 'Praeiudicium' Concept in Roman Law]. *Vestnik NGU. Seriya: Pravo* [NSU Vestnik. Series: Law], 2012, vol. 8, iss. 1, pp. 5-14.
8. L'Huillier P. *Pravila pervykh chetyrekh Vselenskikh Soborov* [The Rules of the First Four Ecumenical Councils]. Moscow, Izdanie Sretenskogo monastyrya Publ., 2005. 527 p.
9. Pashkov D.V. Pentarkhiya patriarkhatov pri imperatore Yustiniane I: Predposylki [Pentarchy of Patriarchates in the Time of Emperor Justinian I: Prerequisites]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History], 2020, vol. 97, pp. 23-39.
10. Pashkov D.V. Protsedura Vselenskikh Soborov [The Procedure of the Ecumenical Councils]. *Sobor i sobornost: k stoletiyu nachala novoy epokhi: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 13-16 noyabrya 2017 g.* [Synod and Collegiality: The Centenary of the Beginning of a New Era. Proceedings of the International Scientific Conference, November 13-16, 2017]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2018, pp. 27-39.
11. Abramowski L. Was hat das Nicaeno-Constantinopolitanum (C) mit dem Konzil von Konstantinopel 381 zu tun? Drecoll V.H., Brennecke H.Ch., Marksches Ch., hrsg. *Neue christologische Untersuchungen*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2021, pp. 331-362.
12. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 1*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xvi, 196 p.
13. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 2*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xii, 163 p.
14. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 3*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.
15. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 1*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xviii, 259 p.
16. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 2*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1936. vii, 180 p.
17. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 3*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1937. xxiii, 162 p.
18. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 4*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1932. xxxvi, 192 p.
19. Bevan G.A. Theodoret of Cyrhus and Syrian Episcopal Elections. Leemans J., van Nuffelen P., Keough Sh.W.J., Nicolaye C., eds. *Episcopal Elections in Late Antiquity*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2011, pp. 61-87.
20. Camelot P.-Th. *Éphèse et Chalcédoine*. Paris, Éditions de l'Orante, 1962. 257 p. (Histoire des conciles oecuméniques; 2).
21. Chrysos E. Konzilspräsident und Konzilsvorstand. *Annuario Historiae Conciliorum*, 1979, Bd. 11, S. 1-17.
22. Alberigo G. et al., eds. *Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. Vol. 1*. Turnhout, Brepols Publishers, 2006. 372 p.
23. Haensch R. *Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, P. von Zabern, 1997. 861 S.

24. Hajjar J. *Le synode permanent (Synodos endemousa) de l'Église byzantine des origines jusqu'au XIe siècle*. Rome, Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1962. 230 p. (Orientalia Christiana Analecta; 164).
25. Heller A. "Les bêtises des grecs". *Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.)*. Bordeaux, De Boccard, 2006. 425 p.
26. Leuenberger-Wenger S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. Leiden; Boston, Brill, 2019. 617 S. (Supplements to Vigiliae Christianae; 153).
27. Mari T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2018, vol. 58, pp. 126-155.
28. Menze V. Das Konzil als Instrument imperialer Politik. Die Reorganisation der Konziliengeschichte und der Kirchenordnung durch Chalkedon. W. Brandes, A. Hasse-Ungeheuer, H. Leppin, hrsg. *Konzilien und kanonisches Recht in Spätantike und frühem Mittelalter. Aspekte konziliarer Entscheidungsfindung*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2020, S. 41-55.
29. Millar F. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century: Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy. *Scripta Classica Israelitica*, 2012, vol. 33, pp. 65-84.
30. Ohme H. *Kanon ekklesiastikos. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1998. xvii, 666 p.
31. Price R. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils. *Annuario Historiae Conciliorum*, 2009, vol. 41, pp. 241-274.
32. Ritter A.M. *Das Konzil von Konstantinopel und sein Symbol. Studien zur Geschichte und Theologie des II. Ökumenischen Konzils*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 316 S.
33. Robert L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *Harvard Studies in Classical Philology*, 1977, vol. 81, pp. 1-39.
34. Roueché Ch. Acclamations at the Council of Chalcedon. Price R., Whitby M. eds. *Chalcedon in Context. Church Councils 400–700*. Liverpool, Liverpool University Press, 2011, pp. 169-177.
35. Schwartz E. Das Nicaenum und das Constantiopolitanum auf der Synode von Chalkedon. *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche*, 1926, Bd. 25, S. 38-88.
36. Schwartz E. Der sechste nicaenische Kanon auf der Synode von Chalkedon. *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*, 1930, Bd. 27, S. 611-640.
37. Schwartz E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten. *Philologus*, 1933, Bd. 88, S. 245-253.
38. Staats R. Die römische Tradition im Symbol von 381 (NC) und seine Entstehung auf der Synode von Antiochien 379. *Vigiliae Christianae*, 1990, vol. 44, no. 3, S. 209-221.
39. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 1*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 365 p.
40. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 2*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 312 p.
41. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 3*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 312 p.
42. Wille A. *Bischof Julian von Kios, der Nunzius Leos des Großen in Konstantinopel*. Kempten, München, Jos. Kösel'sche Buchhandlung, 1910. xii, 159 S.
43. Chrysos E. Ἐ διαταξις τῶν συνεδριῶν τῆς ἐν Χαλκῆδονι οἰκουμένης συνόδου [The Order of the Sessions of the Council of Chalcedon]. *Klērnomia* [Kleronomia], 1971, vol. 3, pt. 2, pp. 259-284.

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Likhov Lane, 6/1, Office 418, 127051 Moscow, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 6/1, комната 418, 127051 г. Москва, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>